

«ВЕЛИКИЙ ПЕРЕЛОМ» В КОНТЕКСТЕ СОВРЕМЕННОЙ РОССИЙСКОЙ И РЕГИОНАЛЬНОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

В статье анализируется современная историографическая ситуация в изучении проблем коллективизации сельского крестьянства в СССР. Автор раскрывает процесс формирования и развития региональной историографии данной темы. Выявляются основные концепции в трактовке этих событий начала 1930-х гг. в современных исторических исследованиях.

Ключевые слова: коллективизация, историография, модернизация, Сибирь, плюрализм.

В череде современных событий свое специфическое место занял печальный юбилей – 80-летие «великого перелома», начала «массовой коллективизации». Этот исторический рубеж дает дополнительный импульс для концептуального осмысления судьбоносных событий начала 1930-х гг., их места в судьбах многострадального российского крестьянства и всего нашего народа. Адекватная интерпретация «великого перелома», разумеется, требует углубленного анализа соответствующей исторической литературы, принимая во внимание порой весьма противоречивую траекторию историографического процесса.

Характеризуя становление региональной историографии темы, следует иметь в виду, что данный процесс разворачивался достаточно медленно: более четверти века с момента осуществления радикальной социальной трансформации деревни названная тема практически не подвергалась изучению профессиональными историками на региональном материале. Это определялось, с одной стороны, политико-идеологическими причинами: долгое время историки вообще не рисковали обращаться к столь сложным и острым проблемам новейшей отечественной истории. С другой стороны, их изучение – в особенности в региональном ракурсе – сдерживалось ограниченностью сил исследователей, отсутствием необходимого кадрового потенциала.

В первые десятилетия после проведения коллективизации ее отдельные аспекты на

сибирском материале затрагивались лишь фрагментарно в работах популярного, пропагандистского и краеведческого характера (см., например: [Доронин, 1939; Из прошлого..., 1938; Кожевников, 1933; Край социалистического..., 1939; Опыт стахановцев..., 1939; Маккавеев и др., 1936; Сибирь в прошлом..., 1937; Стручков, Домрачев, 1939; Омская область..., 1940; Самарин, 1941; Хозяйственное и культурное строительство..., 1939]).

Естественно, что в концептуальном плане эти немногие обращения к истории коллективизации не выходили за рамки пропагандистских штампов. С точки зрения фактического материала работы тех лет, как правило, ограничивались использованием газетных публикаций и официальной статистики.

В 1950-е данная тематика начинает находить отражение в исторических исследованиях – появляются первые кандидатские диссертации [Архипов, 1954; Ефремова, 1954; Касьян, 1954; Костин, 1954; Маковкин, 1950]. Тогда же предпринимаются первые попытки создания популярных очерков истории коллективизации и «колхозного строя» на материалах отдельных регионов Сибири [Новиков, 1956; Касьян и др., 1959].

В целом же заметная активизация исследований по истории «советского периода» отечественной истории, в том числе по аграрно-крестьянской проблематике, намечается со второй половины названного десятилетия, что в определяющей мере было

зация, сопровождавшаяся неимоверными жертвами, все же привела к цивилизационному скачку и подготовила победу в Великой Отечественной войне. Вне этого исторического контекста сентенции о «бессердечии» Сталина представляются несколько поверхностными.

Другим примером однозначной негативистской трактовки «великого перелома» может быть объемистый труд В. А. Ситникова и И. А. Чуканова [2008]. О его концептуальных ориентирах недвусмысленно свидетельствует само название главы пятой, посвященной интересующему нас периоду (С. 494–572): «Сталинский перелом 1928–1929 гг. как неизбежный социально-экономический результат краха НЭПа. Углубление и расширение разбойничьей направленности коммунистической экономики». Не менее выразительно озаглавлен раздел пятый названной главы: «Аграрная террориада. Экономические аспекты сталинской коллективизации». При этом названные разделы рассматриваемой книги не содержат нового фактического материала, носят характер очередных «разоблачений сталинизма».

Справедливости ради следует отметить, что однозначность и недостаточная доказательность трактовок порой обнаруживается и в работах, являющихся «классикой» историографии. Недавно впервые в нашей стране была издана книга известного эмигрантского автора С. С. Маслова (представителя «неонароднического» направления) «Колхозная Россия: история и жизнь колхозов», написанная в конце 1930-х гг.

Сергей Семенович Маслов не жалел ярких красок для уничтожающей критики «коллективизации»: «Мы знаем: коллективизация смела с лица земли лучшие крестьянские хозяйства и уничтожила в “кулаках” и “подкулачниках” хозяйственную, культурную и биологическую элиту российских деревень; как поздний весенний мороз, она убила все вообще крестьянские хозяйства в пору их цветения; она ухудшила обработку земель, уход за растениями и животными, разгромила скотоводство, убила стимулы хозяйственной деятельности в душе крестьянства и вообще тяжелой свинцовой плитой придавила производительные силы сельского хозяйства; она дала власти удобный для нее налоговый насос, которым та беспощадно и безоглядно пользовалась и пользуется

для выкачивания продовольствия из деревень, обрекая их на постоянное недоедание и временами на смертоносный голод. <...> Голодное, в рваных одеждах, без хозяйственного творчества и радостей, физически истощаясь и биологически слабея, живет российское крестьянство, превращенное в колхозах их хозяев в батраков и вверженное во “Второе Крепостное Право”».

Из нарисованной мрачной картины делались однозначные политические прогнозы: «Это экономическое и социальное положение деревни зловеще отблескивает в политической жизни. В ней между властью и крестьянством царят отношения, повторяющие 1919–1921 гг. <...>. Оба выжидают: власть – действия времени и своих “достижений”, которые примирят крестьянство с колхозами, крестьянство – внешней войны, во время которой оно надеется сломить и власть, и колхозный строй. Об этом ожидания деревнями желанной войны свидетельствуют сотни русских и нерусских наблюдателей сельской жизни <...>. Если серьезная и длительная война для России вспыхнет, и в нее войдут сельские резервы, во внутреннюю жизнь страны опять вернутся военные восстания...» [Маслов, 2007. С. 280–282].

Последующие события Великой Отечественной войны, как известно, показали несостоятельность такого рода прогнозов. В данном случае не место специально рассматривать вопрос о мотивах поддержки крестьянством существовавшего общественного строя, несмотря на недовольство многими его аспектами. Обратим внимание на другую сторону дела. Справедливо отмечая пороки колхозной системы, названный автор, как и его нынешние единомышленники, не принимает во внимание крайнюю противоречивость происходивших процессов социальной трансформации, причудливое сочетание в них антикрестьянского террора и моментов модернизации. Не учитывается и наличие в крестьянской среде различных социально-психологических ориентиров. Очевидно, что в довоенной деревне были социально-демографические группы, в той или иной мере выигравшие от «коллективизации» (в какой-то степени молодежь, женщины).

Особенно досадно, когда недостаточно продуманные суждения о последствиях «коллективизации» встречаются в работах серьезных исследователей, примером чего

является статья Б. Н. Миронова [2000]. В ней методика, примененная в фундаментальном труде по социальной истории имперской России, использована для изучения уровня жизни населения в советский период. Как известно, названный автор считает наиболее объективным показателем уровня жизни так называемый «биостатус» (рост и вес индивида).

В статье историографическая ситуация характеризуется следующим образом: «Официальная советская статистика 1930-х гг. сильно завышает уровень жизни; западные специалисты его существенно занижают. <...> Большинство западных исследователей полагают, что дореволюционный уровень жизни был достигнут в 1960-е. В конце 1980-х – начале 1990-х гг. на Западе появились работы, в которых эта точка зрения подверглась ревизии. В одной из последних книг на эту тему, получивших широкий резонанс ¹, доказывалось, что в 1928–1940 гг. происходило систематическое повышение уровня жизни горожан. И даже в деревне потребление в 1938–1939 гг. превысило уровень 1928 г.» [Миронов, 2008. С. 15].

Что касается позиции Б. Н. Миронова, то он обосновывает следующую версию: «Если у горожан падение биостатуса прекратилось в конце 1920-х гг., то у крестьян – только десятилетием позже». <...> Фактором, сдержавшим падение биостатуса крестьян в 1921–1935 гг. и способствовавшим его повышению в 1936–1940-х гг. послужило снижение естественного прироста в деревне. В 1917 г. средний размер крестьянской семьи в Европейской России равнялся 6,1, в 1939 г. – 4,31. <...> Организация детских учреждений и развертывание сети общественного питания и культурно-бытовых учреждений на селе облегчали положение крестьянок и способствовали вовлечению их в общественное производство, вследствие чего средние доходы семьи обгоняли доходы отдельного колхозника» [Там же. С. 17–18].

Далее в рассматриваемой публикации утверждается: «Способствовало повышению биостатуса на селе и уменьшению трудовых нагрузок. До революции батраки работали в страду по 17–18, крестьяне – по 15–16 часов в сутки. <...> За 1937 г. рабочий день в колхозах и совхозах мужчин в возрасте

16–59 лет продолжался 8 часов 7 минут, у женщин – 5,51. Правда, крестьяне значительное время тратили на работу в личном хозяйстве – соответственно 1,51 и 5,43 часа. Сокращение рабочего дня было достигнуто благодаря техническому перевороту в сельском хозяйстве. Сельский труд в 1940-м стал по преимуществу механизированным: на 78 % обеспечивался энергией от механических двигателей» [Там же. С. 18].

При этом сведения о продолжительности рабочего дня без всяких комментариев приводятся по изданию 1939 г. [Колхозы..., 1939. С. 56], достоверность которого по меньшей мере проблематична. Странным выглядит и утверждение о превращении сельского труда в «преимущественно механизированный», принимая во внимание, что в рассматриваемый период заметное внедрение современной техники имело место только в зерновом производстве (излишне напоминать, как обстояло дело в производстве технических культур, картофеля, овощей и в животноводстве).

Далее следует еще более смелое утверждение: «Наконец, утверждение колхозного строя привело к значительному выравниванию материального положения крестьян. Исчезли батраки, были ликвидированы “кулаки”, крестьяне сделались равны в экономическом и социальном отношении. Нивелирование при всех его издержках всегда является важным фактором повышения биостатуса большинства» [Миронов, 2008. С. 18]. Удивляет, что столь ответственное положение о «равенстве» подтверждается лишь ссылкой на второй том «Истории советского крестьянства» [История советского крестьянства..., 1987. С. 273–274, 366], что вряд ли является достаточным аргументом.

Несколько странные представления уважаемого автора о реалиях 1930-х гг. наиболее наглядное выражение нашли в разделе рассматриваемой статьи под характерным названием «Равенство без свободы». Здесь утверждается: «Большее значение для поддержания биостатуса населения имело отсутствие в советском обществе 1930-х заметной имущественной дифференциации. Материальное положение народа и элиты или номенклатуры различалось несущественно. Посчитать децильный коэффициент – соотношение доходов 10 % самых богатых и бедных страт населения – возможности нет. Однако очевидно, что уровень неравенства в 1930-е был на порядок ниже, чем в России

¹ В данном случае имеется в виду книга Р. Алена [Allen, 2003].

конца XX – начала XXI в., когда децильный коэффициент достигал 14–15. Даже обитатели Кремля жили в это десятилетие просто, по-солдатски, намного скромнее, чем в 1920-е годы, когда тон задавали большевики-аристократы – Троцкий, Зиновьев и Каменев. Все, кроме Сталина, получали паек, обеспечивались скромной одеждой и обувью советского производства по талонам, мебель и домашнюю утварь получали со склада, занимали отдельные небольшие квартиры, пользовались государственными дачами и машинами, светскую жизнь не вели, за границу ездили очень редко. Все привилегии не обеспечивали уровня жизни даже среднего класса в развитых странах, при этом общее число лиц, пользовавшихся спецснабжением, в начале 1930-х составляло лишь 55,5 тыс. (из них 45 тыс. проживали в Москве). Самой большой привилегией номенклатуры была сытость. Но за это приходилось много работать. Только в 1970-е советская элита, численность которой увеличилась до 227 тыс., стала жить на уровне среднего класса США того времени» [Миронов, 2008. С. 17]. Станный метод аргументации дает знать о себе и в данном случае: последнее утверждение подтверждается ссылкой на работу известного английского автора [Matthews, 1978. P. 176–183]. Однако это утверждение названного автора представляется по меньшей мере спорным.

Нетрудно доказать, что приведенные утверждения никак не соответствуют советской повседневности 1930-х гг., которая характеризовалась резкими, можно сказать, кричащими формами социальной дифференциации. На таком фоне рассуждения о «равенстве» крестьян представляются особенно сомнительными.

Как видим, история «коллективизации», несмотря на появление немалого количества документальных публикаций и аналитических трудов, по-прежнему содержит много «белых пятен» и «узких мест». Представляется весьма значимой дальнейшая углубленная разработка этой тематики не только на общероссийском, но и региональном материале. По-прежнему остается актуальным создание обобщающего фундаментального труда на эту тему.

Список литературы

Архипов М. История строительства МТС и их роль в организации колхозного производства (по материалам Иркутской области). Иркутск, 1954.

Бондарев В. А. Фрагментарная модернизация послеоктябрьской деревни. История преобразований в сельском хозяйстве и эволюция крестьянства в 20-е гг. XX в.: на примере районов Дона, Кубани и Ставрополья. Ростов н/Д, 2005.

Вишневецкий А. Г. Серп и рубль: консервативная модернизация в СССР. М., 1998.

Гуцин Н. Я. «Раскулачивание» в Сибири (1928–1934 гг.): методы, этапы, социально-экономические и демографические последствия. Новосибирск, 1996.

Гуцин Н. Я. Сибирская деревня на пути к социализму (Социально-экономическое развитие сибирской деревни в годы социалистической реконструкции народного хозяйства. 1926–1937 гг.). Новосибирск, 1973.

Гуцин Н. Я., Журов Ю. В., Боженко Л. И. Союз рабочего класса и крестьянства Сибири в период построения социализма. Новосибирск, 1978.

Гуцин Н. Я., Ильиных В. А. Классовая борьба в сибирской деревне. 1920-е – середина 1930-х гг. Новосибирск, 1987.

Гуцин Н. Я., Кошелева Э. В., Чарушин В. Г. Крестьянство Западной Сибири в довоенные годы (1935–1941). Новосибирск, 1975.

Доронин Г. Интеллигенция одного села. Новосибирск, 1939.

Ефремова М. И. История колхоза «Заветы Ильича» Канского района Красноярского края. Красноярск, 1954.

Из прошлого и настоящего. Омск, 1938.

Ильиных В. А. Налогово-податное обложение сибирской деревни. Конец 1920-х – начало 1950-х гг. Новосибирск, 2004.

Историография крестьянства Советской Сибири. Новосибирск, 1976.

История Сибири. Л., 1968. Т. 4: Сибирь в период строительства социализма.

История советского крестьянства. М., 1987. Т. 2.

Кара-Мурза С. Г. Советская цивилизация. М., 2001. Кн. 1: От начала до Великой Победы.

Касьян А. К. Колхозное строительство в омской деревне в 1919–1927 гг. М., 1954.

Касьян А. К., Макарова И. В., Добродеев П. М. Очерк истории колхозного строя в Омской области. 1917–1957 гг. Омск, 1959.

Кожневников С. Е. Единственно правильный путь. Новосибирск, 1933.

Колхозы во второй сталинской пятилетке. М.; Л., 1939.

Костин И. М. Борьба КПСС за создание основных предпосылок проведения коллективизации сельского хозяйства (по материалам Алтайского края). М., 1954.

Край социалистического созидания (Новосибирская область на рубеже III сталинской пятилетки). Новосибирск, 1939.

Красильников С. А. Серп и молот. Крестьянская ссылка в Западной Сибири в 1930-е гг. М., 2003.

Крестьянство Сибири в период строительства социализма (1917–1937 гг.). Новосибирск, 1983.

Кузнецов И. С. На пути к «великому перелому»: люди и нравы сибирской деревни 1920-х гг. (психоисторические очерки). Новосибирск, 2001.

Лебедева Л. В. Повседневная жизнь пензенской деревни в 1920-е гг.: традиции и перемены. М., 2009.

Маккавеев В., Душенков И., Волосатов Н. Девушки за рулем. Иркутск, 1936.

Маковкин Д. Д. Алтайские большевики в борьбе за коллективизацию. Л., 1950.

Маслов С. С. Колхозная Россия: история и жизнь колхозов. М., 2007.

Миронов Б. Н. Когда в России жилось хорошо? Эпизод пятый. 1931–1945 гг. // Родина. 2008. № 8. С. 15–21.

Миронов Б. Н. Социальная история России. Период империи (XVIII – начало XX в.): генезис личности, демократической семьи, гражданского общества и правового государства: В 2 т. М., 2000.

Новиков И. Н. Коллективизация сельского хозяйства Омской области (1928–1932 гг.). Омск, 1956.

Омская область сегодня. Омск, 1940.

Опыт стахановцев земледелия. Новосибирск, 1939.

Пестриков Ф. С. Партийные организации Западной Сибири в борьбе за победу колхозного строя (1927–1937). Новосибирск, 1966.

Политика раскрестьянивания в Сибири. Новосибирск, 2000. Вып. 1: Этапы и методы ликвидации крестьянского хозяйства. 1930–1940 гг.

Политика раскрестьянивания в Сибири. Новосибирск, 2002. Вып. 2: Формы и методы централизованных заготовок. 1930–1941 гг.

Самарин Г. Иркутская область на всесоюзной сельскохозяйственной выставке в 1940 г. Иркутск, 1941.

Сибирь в прошлом и настоящем. Материалы для докладчиков и агитаторов. Новосибирск, 1937.

Ситников В. В., Чуканов И. А. Реализация экономической программы большевистской партии в период становления советского государства (1917–1930-е годы). Самара, 2008.

Спецпереселенцы в Западной Сибири. 1930 – весна 1931 г. Новосибирск, 1992.

Спецпереселенцы в Западной Сибири. Весна 1931 – начало 1933 г. Новосибирск, 1933.

Спецпереселенцы в Западной Сибири. 1933–1938 гг. Новосибирск, 1994.

Степичев И. С. Победа ленинского кооперативного плана в восточносибирской деревне. Иркутск, 1966.

Стручков А., Домрачев Т. Родина ефремовского движения (сельское хозяйство Алтайского края). Барнаул, 1939.

Сухова О. А. «Общинная революция» в России: социальная психология и поведение крестьянства в первые десятилетия XX века (по материалам Среднего Поволжья). Пенза, 2006.

Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание: документы и материалы. М., 1999–2004. Т. 1–5.

Хозяйственное и культурное строительство в Омской области за 5 лет. Омск, 1939.

Allen R. Farm to Factory: A Reinterpretation of the Soviet Industrial Revolution. Princeton, 2003.

Matthews M. Privilege in the Soviet Union. L., 1978.

Материал поступил в редколлегию 25.08.2009

I. S. Kuznetsov

«THE GREAT BREAK» IN THE CONTEXT OF MODERN RUSSIAN AND REGIONAL HISTORIOGRAPHY

The paper analysis the modern historiography on the problem of the collectivization of the rural peasantry in the USSR. The author considers the process of shaping and the development of the regional historiography on this subject. The main concepts of these events in the early 1930^s in the recent historical studies are shown.

Keywords: collectivization, historiography, modernization, Siberia, pluralism.